

УДК 338.22+321.65

КОРПОРАТИВИСТСКАЯ ПРАКТИКА 1920–1930-Х ГГ. ОПЫТ СОЗДАНИЯ «КОРПОРАТИВНОЙ» ЭКОНОМИКИ В ИТАЛИИ, АВСТРИИ, ИСПАНИИ, ПОРТУГАЛИИ

Шапкин Игорь Николаевич,

д-р экон. наук, профессор Департамента «Экономическая теория» Финансовый университет,
Москва, Россия
ishapkin@fa.ru

Аннотация. После Первой мировой войны корпоративизм начал претендовать на роль «третьего» пути социального развития. В 1920–1930-е гг. в некоторых европейских странах была предпринята попытка реализовать корпоративистские идеи. Наиболее полно они воплотились в фашистской Италии. В последующие десятилетия корпоративизм ассоциировался с экономической и управленческой практикой фашизма и некоторых других правых политических режимов. Сегодня корпоративизм является основой жизнедеятельности целого ряда стран.

Ключевые слова: корпорация; корпоративизм; «Хартия труда»; итальянская корпоративная система; Национальный совет корпораций; корпоративная реформа 1934 г.; франкизм; португальский корпоративизм.

CORPORATIST PRACTICE OF 1920–1930S. THE EXPERIENCE OF CREATING A “CORPORATE” ECONOMY IN ITALY, AUSTRIA, SPAIN, PORTUGAL

Shapkin I.N.,

Doctor of Economics, professor, Department «Economic theory»,
Financial University, Moscow, Russia
ishapkin@fa.ru

Abstract. After the first world war corporatism began to claim the role of the “third” path of social development. In the 1920–1930s in some European countries an attempt was made to implement a corporatist ideas. They are most fully embodied in fascist Italy. In subsequent decades, corporatism was associated with the economic and managerial practices of fascism and some other right-wing political regimes. Today, corporatism is the basis of life in a number of countries

Keywords: corporation; corporatism; the “Charter of labour”; the Italian corporate system; the national Council of corporations; corporate restructuring 1934; Franco; portuguese corporatism.

На протяжении последних 300 лет в общественной науке, то затухая, то разгораясь вновь, вспыхивает дискуссия о взаимодействии государства и экономики. К началу XX в. эта проблема, казалось, была окончательно решена в свою пользу либералами, утверждавшими, что социально-экономический прогресс связан с ограничением всеми возможными средствами присутствия государства в общественном пространстве.

Однако Первая мировая война заставила посмотреть на эту проблему по-новому. Процессы, запущенные в военные годы, определили мировое развитие всего XX в. Война стимулировала формирование трех моделей общественного развития: «государственного социализма» в СССР, «либерально-регулируемого капитализма» в США и «тоталитарного капитализма» в Германии. При всех существенных различиях они имели одну общую черту — усиление государственного влияния

на общество. Хотя масштаб воздействия государства на общественные процессы в этих и других странах был различным.

Наряду с германским нацизмом, «тоталитарный капитализм» связывают с итальянским фашизмом и праворадикальными и авторитарными политическими режимами, которые оформились в Европе в 1920–1930-х гг.

В сфере экономики эта новая социально-экономическая модель характеризуется ограничением рыночного хозяйства, отказом от либеральных принципов организации и управления народным хозяйством, установлением всеобщего государственного контроля над экономикой, административным диктатом, жестким регулированием хозяйственных процессов, расширением государственного сектора, широким использованием репрессивных методов, сокращением системы социальной защиты и социального страхования и т.д. Но при схожести в рамках этого варианта существовали серьезные национальные отличия. Так, важнейшим элементом идеологии и практики, без которого не могли существовать ни итальянский фашизм, ни близкие ему политические режимы Средиземноморья, являлся корпоративизм. В нацистской же Германии корпоративизм не получил ни теоретического обоснования, ни практического применения и использования.

Цель данной статьи — рассмотреть практическую реализацию корпоративистских идей в 1920–1930-е гг.

Трактовка корпоративизма итальянским фашизмом. Уже на первом собрании фашистов 23 марта 1919 г. Муссолини заявил: «Настоящее политическое представительство нас не удовлетворяет. Мы хотим прямого представительства профессиональных интересов. Против этой программы можно сказать, что это — возврат к корпорациям... Я хотел бы, чтобы собрание приняло с экономической точки зрения требования национального синдикализма» [1, с. 33]. Корпоративизм и сплочение общества на националистических началах выдвигались в качестве приоритетов новой эпохи. Это являлось основой нового общественного устройства и порядка. Виднейший фашистский историк Дж. Вольпе писал, что фашизм, осуществивший идеалы деятелей итальянского Рисорджименто, был революцией, которая привела к «соединению государственной власти с народом». Суть этой «революции» состояла в разрешении «социального вопроса»,

в примирении классов посредством построения корпоративной системы [2, с. 6].

В 1919–1920 гг. идеи корпоративизма формулировались очень бегло и неясно. В программе фашистской партии, принятой в ноябре 1921 г., в разделе, посвященном корпорациям, фашизм объявлял о своем стремлении направить их в национальное русло. «Корпорации, — отмечалось в программе, — должны развиваться в соответствии с двумя главными задачами: как выражение национальной солидарности и как средство развития производства» [1, с. 33].

Необходимо отметить, что долгое время фашизм обходился без теории. По признанию Муссолини, фашизм «родился из потребности действовать, и был действием». Первыми теоретиками итальянского фашизма стали бывшие руководители партии националистов, которые вошли в партию после прихода фашистов к власти. Э. Коррадини, А. Рокко и другие руководители националистов еще до Первой мировой войны разработали ряд концепций, которые позднее возьмет на вооружение итальянский фашизм [3, с. 78].

Основные законы фашистского режима, его профсоюзное и корпоративное законодательство были сформулированы будущим министром юстиции А. Рокко. Он считал, что современное национальное государство должно быть привержено идее капитализма и синдикализма. Государство должно принудить трудящихся и капиталистов к союзу друг с другом, к образованию корпораций. Создание последних приведет к подъему производства и к усилению государства. Элиты нового общества — профсоюзы, предприниматели, партийная бюрократия и гражданские служащие должны быть поставлены под тотальный, т.е. всеобщий, контроль государства. Главной ценностью общества должно стать государство, которому будет подчинено все, в том числе и политическая (фашистская) партия. «Корпоративное государство, — писал в 1928 г. министр корпораций Боттаи, — или — что одно и то же — фашистское государство означает такой правопорядок, посредством которого государство главенствует над профсоюзами и использует их, превращая их в корпорации, т.е. в орудие общих интересов, и на этом фундаменте возводит все верховное политическое здание» [4, с. 20]. Как справедливо заметил английский исследователь К. Кроуч, фашизм «заполнил тоталитарной государственностью тот политический вакуум, который, по

мнению теоретиков корпоративизма, должен был заполниться идеологией» [5, с. 6].

Рокко предложил идею создания прямых каналов связи общества и партии. Он выступал за создание «иерархического» капитализма, в котором народ будет поддерживать политический режим, гарантирующий ему полную занятость и высокую зарплату. Партия же представляет собой механизм коммуникации масс с лидерами государства. Объединившись, рабочие, промышленники и представители партии обеспечат эффективное и мирное сотрудничество, которое пойдет на «общую пользу» и будет способствовать укреплению государства [6].

Фашистские теоретики определяли корпоративизм как «новый тип политической цивилизации», основанной на синтезе прав и обязанностей наемного работника и работодателя как полноправных участников производственного процесса [7, с. 60]. Для них корпорации — это надклассовые организации, призванные осуществить «социальную справедливость», уменьшить разрыв в уровне жизни разных социальных категорий. Создание корпоративной системы приведет к «коренному перевороту в производственных отношениях». Она будет способствовать наступлению эры гармонии труда и капитала, преобразованию классовых отношений в «постоянное и гармоническое сотрудничество». Некоторые теоретики пошли еще дальше, заявляя, что посредством корпораций будут преодолены не только классовые противоречия, но и в будущем ликвидированы и классы как таковые. «...Сейчас в Италии, — писал А. Пальяро, — понятие „буржуазия“, „пролетариат“, „мелкая буржуазия“ и тому подобные являются словами, которые не содержат ничего другого, кроме исторической реминисценции» [2, с. 38]. В 1940 г. П. Микелис определил конечную цель создаваемой корпоративной системы. «Корпоративная экономика, — писал он, — преследует две цели: 1) благосостояние индивидов; 2) мощь нации. Эти две цели на практике могут прийти в противоречие друг с другом и тогда вторая должна всегда стоять на первом месте» [2, с. 39].

Теоретики корпоративизма доказывали, что образование корпораций является объективно необходимым процессом. В нем заинтересовано все общество, поскольку корпорации будут способствовать ведению более эффективной хозяйственной деятельности, что, несомненно, пойдет на благо всей нации. При корпоративном общественном устройстве исчезают основания

для классовой борьбы, так как в стране устанавливается «высшая социальная справедливость». «В корпоративной системе, — писал Э. Тозарелли, — классовая борьба, знаменитый „социальный вопрос“, который занимал народы и экономистов, сменяется сотрудничеством классов, осуществляемым посредством трудовых коллективных договоров, мирным разрешением классовых конфликтов» [2, с. 38].

Корпоративное устройство будет способствовать установлению «нового типа управления экономической жизнью», преодолевающего противоречие между либеральной свободой и социалистической централизацией. Роль арбитра в хозяйственных процессах отводилась государству. Власть должна вносить в экономическую жизнь плановые начала. «Основной принцип, — отмечал Тозарелли, — заключается в том, что государство, не занимаясь непосредственно производственной деятельностью, направляет ее и регулирует экономическое развитие нации» [2, с. 39].

Государство справедливо распределяет материальные блага, предлагая индивиду все необходимое для жизни. Каждый член общества получает их в зависимости от трудовых усилий и результатов труда. Индивид — это часть нового социально-экономического порядка, избавленного от недостатков капитализма и социализма. Социальные противоречия и разность интересов фашизм упраздняет, обращаясь к идее национального единства. Для него нация — это высшая и суверенная корпорация, которая объединяет все входящие в нее корпорации и индивиды [7, с. 61, 65].

Дискуссии о корпоративизме в Италии. На протяжении продолжительного времени, практически вплоть до Второй мировой войны, в Италии велась оживленная полемика о сущности и характере фашистского корпоративизма. Она достигла своего апогея в 1932 г. на II конгрессе по корпоративным исследованиям в Ферраре.

Наиболее распространенной среди итальянской политической элиты была «элитарная» точка зрения. Согласно ей корпоративизм — это юридический инструмент, позволявший с большей эффективностью, чем прежде, решать проблемы взаимоотношений труда и капитала, контролировать массы и направлять в корпоративное русло все формы социального протеста. Она допускала ограниченное государственное вмешательство как «рационализаторское», способствовавшее лучшему распределению готовой продукции, но

отрицала всякий государственный контроль над производством и любые формы ограничения частной собственности и инициативы.

Сторонники такого подхода стремились с помощью корпоративизма осуществлять экономическую модернизацию. Они настаивали на установлении жестких социальных обязательств для частных компаний, на большем вмешательстве государства в экономику и ее регулировании нормативными актами, и даже на государственном регулировании производства. Эта точка зрения являлась в некотором смысле «официальной», так как ее высказал, предварительно согласовав с Муссолини, министр корпораций Дж. Боттаи [7, с. 66].

Иных взглядов придерживался У. Спирито, руководитель журнала «Исследования по праву, экономике и политике». Он исходил из того, что в современной общественной жизни возросло значение коллективистских начал. Для разрешения противоречия между коллективными и частными интересами необходимо вмешательство государства. Посредством корпоративной системы власть уничтожает основные классовые конфликты. Корпорация должна иметь возможность регулировать проблемы, возникавшие между предприятиями и профсоюзами. Но в этом случае государство теряет функции верховного арбитра. Такая недооценка роли государства не устраивала сторонников «официальной» версии корпоративизма, поэтому представления Спирито были подвергнуты резкой критике.

Основная полемика на съезде разгорелась вокруг тезиса Спирито о так называемой пролетарской корпорации. Суть его идеи сводилась к тому, что в условиях корпоративной системы труд не должен быть источником формирования частной собственности. Следовало заинтересовать рабочих в конечных результатах своего труда, передав им часть акций предприятий. Подобные преобразования способствовали бы изменению форм собственности и характера управления производством. На смену частному пришел бы «корпоративный» принцип. Не меняя форм собственности, корпорация стала бы объединением лиц, на равных правах участвующих в производстве. Подобная установка не могла не вызвать на конгрессе обвинения Спирито в попытке обосновать новую «разновидность коммунизма» [7, с. 66].

Институты итальянского корпоративизма.

Итальянская корпоративная система должна была решить три основные задачи: доказать способ-

ность фашизма «обновить» старую модель общественного устройства, предложить собственный вариант социального развития, противопоставить фашистскую корпоративную систему социалистической. «Капиталистический метод производства себя изжил, — говорил Муссолини. — Мировая депрессия вызвана основным дефектом капитализма. Поэтому фашистская революция уничтожит капитализм и заменит его, но не большевизмом и не мировым социализмом, а корпоративным государством» [8].

В Италии «корпорации» рассматривались как производственное единство, не расколотое классовой борьбой. «В корпорациях, — писал Рокко, — должно быть не нелепое равенство, а строгий порядок различий, и все причастное к производству должно соединяться в них в истинное и плодотворное классовое братство» [9, с. 148]. Внутри корпораций устанавливались тесные отношения, основанные на принципах взаимного доверия и уважения. В них человек чувствовал себя свободным и защищенным. Корпорации, доказывали теоретики фашизма, — это элемент духовного начала, превращавшего человека в сторонника нового общества, «шаг за пределы обычного капиталистического или социалистического менталитета» [9, с. 148].

Основы итальянской «корпоративной системы» были заложены законом от 3 апреля 1926 г. «О регулировании коллективных трудовых отношений», согласно которому все лица наемного труда, ремесленники, крестьяне, творческие деятели должны были войти в профсоюзные организации. Предпринимателями создавались собственные «профессиональные» союзы. Вместе с тем был сохранен и представительный орган итальянского бизнеса — «Конфиндустрия», обладавший для защиты своих экономических и социальных интересов помимо корпораций другими возможностями.

Цель и обоснование необходимости создания подобных организаций были сформулированы Большим советом фашизма 23 января 1923 г.: «Итальянская нация, бедная сырьем и капиталом, богатая людской силой, нуждается в унитарной (единой) организации для того, чтобы выдержать борьбу, в которой главенствуют государства-гегемоны. Она обретает в фашистской профсоюзной дисциплине... главную основу своей экспансии» [4, с. 11].

По закону, признание государства получали профсоюзные организации и бизнес-союзы, кото-

рые объединяли в своих рядах не менее 10% лиц данной профессии. Лишь за такой организацией признавалось право представлять и защищать лиц данной профессиональной категории независимо от их принадлежности к организации. Все трудящиеся платили денежные взносы в профсоюзный фонд [10, с. 71]. Профсоюзы и предпринимательские организации разбирали возникавшие между наемными работниками и работодателями конфликты, представляли их интересы в государственных органах и общественных организациях. Профсоюзам передавались биржи труда, кассы взаимопомощи, юридические консультации и пр.

Рабочие и служащие не имели права подавать жалобы по трудовым делам в суд, не обратившись предварительно в эти организации. Под запрет попадали все формы социального протеста, а их организаторы подлежали строгому наказанию. Эти объединения, по замыслу фашистов, должны были решать задачи обеспечения национальной солидарности и развития национального производства. Для этого классовое сознание рабочих требовалось заменить национальным, а самих их приобщить к «национальной солидарности» и «национальной государственности» [11, с. 165].

Формально членство в профсоюзах было добровольным. Работник мог выбыть из союза, подав за три месяца до истечения четырехлетнего срока пребывания в нем письменное заявление. Профсоюзы облагались особым налогом. Предприниматели вносили налог в размере процента из общей суммы выплачиваемой заработной платы. Этот налог поступал в бюджет и распределялся правительством между предпринимательскими организациями и профсоюзами. Члены профсоюза не имели права контролировать деятельность своих руководителей. Лиц на руководящие должности назначали вышестоящие органы либо министерство корпораций. На ответственные и технические должности могли назначаться только члены фашистской партии. Существовал закон, воспрещавший принимать не членов фашистской партии на платные должности в государственных, коммунальных и общественных учреждениях [7, с. 60].

К концу 1938 г. в профсоюзах состояли 7,669 тыс. членов, в том числе: в конфедерации работников сельского хозяйства — 3769 тыс., промышленности — 3097 тыс., торговли — 570 тыс., кредитных и страховых учреждений — 71 тыс., лиц свободных профессий и работников искусств — 162 тыс. В предпринимательские объединения входили

2762 тыс. членов, в том числе: сельских хозяев — 1354 тыс., промышленников — 101 тыс., ремесленников — 486 тыс., домовладельцев — 98 тыс., торговцев — 714 тыс., владельцев кредитных и прочих учреждений — 9 тыс. [3, с. 77].

Формирование союзов проводилось по производственному принципу. В них осуществлялось сотрудничество и «гармоническое примирение интересов трех основных факторов производства — капитала, технических познаний и физического труда во имя высших интересов нации и отечественного производства» [12, с. 17].

В соответствии с декретом от 2 июля 1926 г. было создано министерство корпораций, хотя самих корпораций еще не было. Поэтому деятельность нового министерства на первых порах носила декларативный характер. «Добровольное классовое сотрудничество», объявленное краеугольным камнем фашистской корпоративной политики, сохранялось лишь на бумаге. Поэтому у фашистов родилась идея создать так называемые межпрофсоюзные комитеты.

Вначале эти структуры создавались в провинции. На паритетных началах в них входили представители местных профсоюзов и организаций предпринимателей всех отраслей и видов местных производств. Главной функцией этих комитетов являлось достижение согласия между предпринимателями и лицами наемного труда по вопросам труда и заработной платы. Создание комитетов стало некоторым отступлением от первоначального плана, поскольку, по замыслу идеологов корпоративизма, корпорации должны были объединить союзы предпринимателей и лиц наемного труда в единую организацию.

По образу провинциальных комитетов был образован Центральный межпрофсоюзный комитет, призванный регулировать трудовые отношения между национальными организациями предпринимателей и лицами наемного труда. Председателем этого комитета стал секретарь фашистской партии. Введение принципа партийного представительства и руководства стало определяющим моментом всей дальнейшей корпоративной практики фашизма [10, с. 81]. Очень скоро эти комитеты стали называться «корпорациями», а совокупность всех предпринимательских, рабочих и прочих профессиональных организаций — «корпоративной системой».

Другим элементом «корпоративной системы» стал «государственный суд для разрешения коллективных трудовых конфликтов». Он был

объявлен основой «корпоративной системы» и классового сотрудничества. Однако суд фактически бездействовал. За первые шесть лет своего существования им были вынесены решения лишь по тринадцати конфликтам. О его последующей деятельности почти ничего не известно.

Основные принципы корпоративного государства и корпоративной политики закреплялись в «Хартии труда» 1927 г. Впоследствии она стала основой для принятия законодательных актов в области корпоративного строительства. Весь пафос «Хартии» был направлен на утверждение идеи сотрудничества «во имя общих национальных интересов». Такой подход закрепляла ее первая статья: «Итальянская нация является организмом, цели, жизнь и средства действия которого превышают силой и длительностью цели, жизнь и средства действия составляющих этот организм отдельных лиц и групп их. Она представляет моральное, политическое и экономическое единство и целиком осуществляется в фашистском государстве».

«Хартия труда» провозглашала, что «труд... — социальный долг. На этом основании... охраняется государством. Комплекс производства един с национальной точки зрения; его объекты едины и обеспечивают благосостояние отдельных лиц и развитие национальной мощи» [11, с. 160].

Создание тоталитарного государства расширило государственное вмешательство в экономику. «Вмешательство государства в производство может иметь место лишь тогда, когда отсутствует частная инициатива или когда она является недостаточной, или когда в этом замешаны политические интересы государства. Вмешательство это может принять форму контроля, поощрения или непосредственного управления» [11, с. 163]. «Основной принцип, — писал в связи с этим один из фашистских идеологов Тозарелли, — состоит в том, что государство, не занимаясь непосредственно производительной деятельностью, направляет ее и регулирует экономическое развитие нации. Государственная власть приобретает характер государственной диктатуры, противоположной классовой диктатуре, присущей социалистической системе» [13].

«Хартия» объявляла частную инициативу «наиболее действительным и полезным оружием национальных интересов». «Положение, что собственность должна рассматриваться как социальная функция, — заявлял Муссолини, — относится не к пассивной, а к активной собственности, которая

не ограничивается собиранием плодов богатства, а развивает его, увеличивает и приумножает его» [3, с. 80]. Согласно ей предприниматель — «организатор предприятия», от которого зависит судьба, заработная плата и благосостояние тысяч и десятков тысяч рабочих. Он несет ответственность за производство перед государством. Профсоюзам запрещалось вмешиваться в производственные и организационные вопросы.

В «Хартии» определялись в общем виде функции и задачи корпораций, детализация содержалась в коллективных договорах. В ней ничего не говорилось о продолжительности рабочего дня, но много — о производственных обязанностях рабочих, которые должны их выполнять «добросовестно и неукоснительно». «Хартия» отвергала установление минимального размера заработной платы и ограничилась заявлением о том, что зарплата должна соответствовать «нормальным жизненным потребностям, производственным возможностям и производительности труда». Она оставляла вопрос о штрафах на усмотрение администрации предприятия, изымала из ведения профсоюзов учет и распределение рабочей силы, объявляя эту функцию прерогативой государства [11, с. 160].

В марте 1930 г. в Италии был учрежден так называемый Национальный совет корпораций. Совет был призван осуществлять слияние экономики и политики, быть «основным элементом унитарной концепции фашистского государства». Его полномочия заключались в содействии режиму «по любому вопросу, касающемуся национального производства», в том числе в издании нормативных актов, обеспечивавших социальные гарантии, соблюдение коллективных договоров и дисциплину труда, регулировавших отношения между различными отраслями производства и профсоюзами [7, с. 82]. Однако вмешиваться в отношения между предпринимательскими группами и профсоюзами Совет имел право только по требованию заинтересованных сторон и с разрешения главы правительства.

Национальный совет состоял из равного числа представителей работодателей и наемных работников. В него входили министры и их заместители, представители фашистской партии, экономические и профсоюзные эксперты. Все члены Совета назначались правительственным декретом по представлению производственных конференций. Такой принцип его формирования с самого начала превращал Совет в бюрократи-

ческий орган, без каких бы то ни было признаков выборной демократии.

Совет должен был координировать отношения между различными секторами экономики, способствовать расширению корпоративных организаций. Все активное население Италии формально было охвачено корпоративной системой, что дало основание Муссолини провозгласить профсоюзно-корпоративный строй «творением, придающим оригинальный характер фашистской революции». Он заявил, что корпоративные учреждения — «неотделимы от фашистского строя, ибо они его определяют, отличают и четко отделяют от всякого другого строя. Фашистское государство либо корпоративное, либо не фашистское» [4, с. 20].

Вся эта громоздкая система должна была, по замыслу ее творцов, привести к гармонии интересов труда и капитала, превратив классовые антагонизмы в «постоянное и гармоничное сотрудничество», подчинив их «высшим интересам нации». Перед корпорациями ставилась задача «перейти к динамической фазе, направленной в первую очередь к росту величия и силы родины». Муссолини считал, что установление корпоративной системы послужит укреплению морального единения итальянцев вокруг фашизма [10, с. 93].

Корпоративная реформа 1934 г. В стране, согласно реформе, образовывались 22 «настоящие» корпорации: в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, банковском секторе, на транспорте и т.д. Они создавались из представителей бизнес-организаций, профессиональных союзов и организаций ремесленников, инженерно-технических работников и кооперативов, представителей фашистской партии. В каждой провинции учреждался экономический совет, координировавший деятельность корпораций на местном уровне. Во главе новой структуры стояло министерство корпораций, призванное мирными средствами регулировать социальные конфликты и способствовать продвижению страны по корпоративному пути. Министром корпораций стал Муссолини, назначивший заместителей в каждую корпорацию.

Корпорации были составлены из равного количества представителей предпринимательских организаций и профессиональных союзов. Отраслевым корпорациям предоставлялись те же функции (с теми же ограничениями), которые ранее возлагались на Национальный совет корпораций. Последний был заменен «ассамблеей» (пленумом) всех 22 корпораций.

Корпорации получили право высказывать мнение по различным экономическим вопросам, но только по предложению правительственных органов. Они могли разрабатывать нормы и соглашения, регулировавшие условия труда и взаимоотношения между предпринимательскими и «рабочими» организациями, совершать «попытки к мирному регулированию коллективных трудовых конфликтов». Принятые решения вступали в силу после их публикации.

Этой реформой завершалось строительство «корпоративного» строя, который окончательно определял «корпоративный» характер фашистской экономики. Для общества корпорации изображались как организации, стремящиеся осуществить «социальную справедливость», «уменьшить разрыв между уровнем жизни различных социальных групп, обеспечить трудящимся работу, справедливую заработную плату и приличное жилье», привлечь их к участию «в регулировании производства» и т.д. Слово «корпоративный» употреблялось фашистской пропагандой в смысле «надклассовый», «справедливый», «исходящий из общих интересов» [3, с. 93].

Корпорации объявлялись «основой государства», но на практике они часто были лишены реальной возможности воздействовать на экономическую и социально-экономическую жизнь страны, ограничиваясь выработкой различного рода рекомендаций и проектов. Заседания корпоративных органов проводились редко, сумбурно и носили часто теоретико-схоластический характер.

На практике итальянское корпоративное государство, как справедливо заметил американский исследователь Р. Хиггинс, представляло собой «не компромисс между группами экономических интересов, а набор секторных экономических властных структур, организованных государством при собственной преобладающей роли и служащих целям авторитарного режима. Ни предприниматели, ни трудящиеся не обладали самостоятельными частными правами, которые они могли бы отстаивать» [14].

Опыт корпоративного строительства в Австрии, Испании и Португалии. Создание корпоративного государства в 1930-е гг. было провозглашено в качестве цели государственного строительства в Австрии, Испании, Португалии, т.е. после установления в них авторитарных и праворадикальных политических режимов.

30 апреля — 1 мая 1934 г. на собрании австрийских законодателей была принята так называемая

мая Майская конституция. Новая Конституция объявляла Австрию сословным клерикальным государством: «Во имя Бога Всемогущего, дарующего все права, австрийский народ получил эту конституцию для своего христианского немецкого союзного государства, построенного на сословном принципе» [11]. Образцом для ее написания стала итальянская конституция.

Австрия объявлялась федеральным государством, основанным на христианской сословной основе. Законодательство и правоприменение были разделены на три уровня: федеральное, земельное и местное. Конституция предусматривала создание четырех законодательно-консультационных органов: Государственного совета, Федерального совета по вопросам культуры, Федерального Экономического совета и Совета земель. Советы выступали в качестве экспертных органов при рассмотрении и подготовке законопроектов. Членов Советов назначал канцлер. Бундестаг формировался на совместных совещаниях из представителей этих Советов. Решение основных государственных вопросов предлагалось проводить путем проведения всенародных плебисцитов.

Канцлер должен был избираться на 7 лет собранием всех «бургомистров и представителями палат». Палаты — это саморегулируемые профессиональные корпорации: сельского и лесного хозяйства, промышленности и горного дела, ремесла, торговли и путей сообщения, финансов и социального обеспечения, свободных профессий и государственной службы [11].

Португалия по конституции 1933 г. провозглашалась «корпоративной республикой, основанной на равенстве граждан перед законом, на свободном доступе всех классов к благам цивилизации и на участии всех конструктивных элементов нации в административной жизни и разработке законов» [11, с. 784]. Хотя многие черты португальского корпоративизма были заимствованы из Италии, режим подчеркивал, что португальская разновидность корпоративизма самобытна и охватывает не только экономические, но и морально-этические и культурные сферы общественной жизни.

Португальский корпоративизм, как подчеркивал А. Салазар, был основан не на огосударствлении, как в Италии, а на свободной ассоциации. В нем сконцентрированы не только экономические, но также «моральные и культурные» интересы нации [15, с. 34].

Основой нового общественного устройства, «великой идеей режима», как неоднократно за-

являл основатель «нового государства», являлся корпоративизм, который возвышает человека и сохраняет его достоинство, формирует новый конституционный порядок и создает новую национальную общность. Салазар рассматривал корпоративизм как средство гармоничного сочетания интересов всех общественных групп, которое положит конец эксплуатации. Люди, объединенные в корпорации, независимо от положения будут трудиться на общее благо, прекратятся классовые конфликты, возрастет общественное производство. В итоге именно эти корпорации и будут управлять страной. Корпоративистские представления в Португалии были восприняты положительно как нигде более, поскольку опирались на исторические традиции. Корпорации в форме гильдий, братств и пр. в Лиссабоне были известны с XIV в.

Характерной чертой всех тоталитарных государств являлось обращение к национальным чувствам. Основополагающим в концепции Салазара являлось понятие нации. В 1936 г. им была издана работа «Доктрина и действие». В ней он писал: «Мы против любых форм интернационализма, коммунизма, социализма, синдикализма и всего, что могло бы разделить, умалять значение или разрушить семью. Мы против классовой борьбы, неверия и предательства своей собственной страны; против крепостного права, материалистического понимания истории, и того, что предпочитает силу праву. Мы являемся противниками парламентаризма, демократии и либерализма, и мы намерены создать корпоративное государство. Эти формулировки могут шокировать те нации, которые привычны к тому, чтобы справляться с недостатками своих собственных политических систем при помощи улучшения социальных условий. Самое ценное содержание, которое мы бы хотели иметь в наших институтах, это то, что они должны быть настолько португальскими, насколько это возможно» [16].

Салазаровский национализм был надклассовым, требовавшим централизации и авторитарного государства. Добиться этого можно было, объединив наемных работников и работодателей в корпорации, став практическим воплощением «союза труда и капитала» [17, с. 142]. Ради блага нации государство должно было влиять на экономическую жизнь, не командуя производством, а выступая в качестве верховного арбитра. Лишь в тех случаях, когда корпорациям не удавалось достичь согласования интересов, государство обя-

зано было вмешиваться в разрешение конфликта. Главная цель государства состояла в возрождении величия Португалии как колониальной империи [15, с. 31].

В Португалии была выполнена лишь часть намеченной корпоративной программы. Были упразднены отраслевые рабочие профсоюзы и созданы низовые «национальные синдикаты» и предпринимательские объединения. Отраслевые корпорации, которым в соответствии с официальной идеологией должны были принадлежать функции экономического регулирования и политической власти, удалось создать лишь в 1956–1960 гг. Но и тогда они не стали влиятельными структурами. Наконец, осуществлявшая «органическое представительство» корпоративная палата обладала лишь совещательными функциями. Законодательным органом оставалось Национальное собрание. Такой дуализм вызывал значительное недовольство ревнителей корпоративной идеи [18, с. 406].

Примерно в том же направлении двигались испанские фалангисты [19, с. 28]. Основатель фаланги Х. А. Примо де Ривера считал, что восстановить прежнее величие Испании может только «национал-синдикалистское государство» с помощью тоталитарной власти и корпоративных институтов. Он провозгласил программу синдикалистского общества, очень близкую по духу программе итальянских фашистов, но, в отличие от последней, в ней был пункт об уважительном отношении к Римско-католической церкви. Национал-синдикализм объявлял «войну» классовой борьбе, марксистской материалистической пропаганде и «либеральному» капитализму. И марксизм, и либерализм, по утверждению фалангистов, разрушали единство нации и целостность души человека как «носителя вечных ценностей» [20, с. 139].

Программа Фаланги носила антикапиталистический характер. Фалангисты отвергали капиталистическую систему за то, что она «игнорирует интересы народа и дегуманизирует частную собственность». Они провозглашали своей целью проведение «националистической» революции и установление справедливого строя. Фалангисты заявляли о замене «экономической системы капиталистической собственности» собственностью «индивидуальной, коммунальной и синдикальной». На «новых» предприятиях отношения между рабочими и предпринимателями — людьми одной нации, соединенными общностью судьбы, — бу-

дут строиться на основе взаимной преданности и братском сотрудничестве [20, с. 139]. Всю страну они рассматривали как огромный производственный синдикат. Движение признавало религиозные, католические ценности, однако подчиняло их задаче «национальной революции». Оно возвеличивало «славное прошлое» Испании, пыталось обосновать ее историческое преимущество перед другими нациями.

При Ф. Франко в Испании начала формироваться «органическая демократия» и «корпоративное государство». Многие идеи франкисты позаимствовали у итальянских фашистов, но с отличиями, обусловленными национальными условиями. После победы франкистского режима его государственной идеологией стал национал-синдикализм. Корпоративные принципы, т.е. «участие народа» в делах государства через «семью, общину и синдикат», закреплялись в испанской «Хартии труда» 1938 г. Позже концепция корпоративного строя будет повторена в «Хартии испанцев» и «Принципах национального движения» 1959 г.

В преамбуле «Хартии труда» официально провозглашалось, что новое государство является антимарксистским [11]. Несмотря на это, у социалистической экономической модели были позаимствованы такие идеи, как государственный контроль над ценообразованием, производством, потреблением и распределением продукции, установлением размера заработной платы, а у «либерального» капитализма — частная собственность. Значительная часть базовых промышленных предприятий была национализирована либо поставлена под жесткий государственный контроль [21].

Корпоративизм был возведен в степень государственной политики. Основу корпоративного строя составляли «вертикальные», т.е. построенные по иерархическому принципу синдикаты. Создававшиеся вертикальные синдикаты, объединявшие рабочих и предпринимателей по отраслевому принципу, наделялись правами государственных организаций. Рабочий и предприниматель рассматривались государством как части единого промышленного организма. Они получали общее обозначение, общее название — «производитель». Таким способом «устранялся» классовый антагонизм и делалась попытка заменить классовое сознание национальным. Работодатель не противостоял рабочему. Их объединяла иерархическая солидарность. Упор делался на сотрудничество

и лояльность, а не на защиту частных интересов [22]. «Национальные синдикаты служат залогом того, что национальный режим объединит все производственные элементы в одно целое для того, чтобы совместными усилиями способствовать исчезновению различий, которые между ними проявляются», — писала газета «Арриба» [18, с. 173].

Руководящие органы первичных организаций синдикатов, создаваемые на каждом предприятии или группе предприятий, формально являлись выборными. Но на практике секретари местных синдикатов назначались. Как правило, председателями синдикатов становились предприниматели. Провинциальный и центральный аппараты синдикатов в соответствии с «Хартией труда» назначался руководством фаланги.

Членство рабочих, служащих, инженеров и предпринимателей в синдикатах было обязательным. Синдикаты принимали участие в решении определенных хозяйственных и производственных вопросов, а также в вопросах, связанных с условиями труда на предприятиях. Они создавали видимость «демократии», представительства интересов «профессиональных» групп в духе корпоративного строя. Рабочие теряли право на забастовку, а все вопросы, связанные с регулированием трудовых отношений, объявлялись прерогативой государств [20, с. 141].

Синдикаты принимали участие в выборах в кортесы, местные органы власти. Члены парламента — прокураторы — рассматривались не как представители народа, а как доверенные корпораций. Большинство их назначал Франко либо они занимали этот пост автоматически — по должности. Выборы проходили на основе сложной системы.

* * *

Для корпоративизма, несмотря на некоторые частные различия, вызванные национальной спецификой, традициями, характерно:

- отрицательное отношение как к экономическому либерализму, так и к социализму, по крайней мере, в тех этатистских и авторитарных формах, в которых может воплощаться этот последний;
- профессиональная организация, т.е. существование в рамках каждой профессии постоянных, институционализованных органов, являющихся центром согласования интересов

различных подразделений профессии с целью выработки общих решений, которые, будучи санкционированными органами государственной власти, затронут все профессии;

- межпрофессиональная организация, призванная регулировать отношения между профессиями и группами профессий; представительство организованных профессий и видов экономической деятельности перед правительством» [5, с. 4].

В 1920–1930-е гг. корпоративизм широко распространился в Европе. Он использовался авторитарными и праворадикальными государствами, создавшими иерархически выстроенные объединения, которые обеспечивали властную вертикаль и служили эффективным каналом передачи управленческих импульсов сверху вниз.

После Первой мировой войны в послевоенной Европе только жесткие политические режимы обладали достаточным потенциалом к социально-политическому экспериментированию, к реализации востребованных обществом идей. К их числу принадлежала и корпоративная идея, которую эти политические силы попытались реализовать на практике. Каждый из предложенных вариантов обладал своей спецификой, своими национальными чертами, но было у них и нечто общее. Все они — итальянский фашизм, австро-испано-португальские режимы — тяготели к «солидаристским» идеям Римско-католической церкви.

Идеи корпоративизма были использованы фашистскими теоретиками для обоснования «третьего» пути общественного развития. В 1935 г. Гаэтано Сальвемини заметил, что «Италия стала Меккой политологов, экономистов и социологов, которые стекаются туда, чтобы увидеть собственными глазами организацию и работу фашистского корпоративного государства». Именно эта публика «наводнила мир статьями, очерками, памфлетами и книгами, которые уже составляют большие библиотеки» [23, с. 133].

Некоторые видели в нем особый, специфический механизм взаимодействия общественных групп с государством. Для них корпоративное государство не является инструментом господствующего класса, а представляет собой некую «общую» волю народа, опирающуюся на 4 принципа: единство, порядок, национализм и успех [24, с. 67].

Реализованные корпоративистские идеи привели к появлению новых институтов согла-

сования интересов, которые координировали действия экономических агентов, способствовали разрешению конфликтов, регулировали внутрикорпоративные отношения, обеспечивали монопольные условия профессиональной деятельности.

Сложившаяся модель корпоративизма не предполагала автономии корпораций. Она привела лишь к усилению государства в экономической и общественно-политической жизни. Государство сохраняло за собой управление, контроль за корпорациями, превратив их в бюрократические структуры.

Опыт создания «корпоративных» государств в ряде европейских стран был далек от реальных корпоративных идей. Авторитарные режимы были не готовы к тому, чтобы создать действительно корпоративные структуры.

Недостаточная эффективность созданных корпораций состояла в том, что новая власть не решилась на проведение радикальных преобразований, например на национализацию предприятий и банков или хотя бы на установление действенного государственного контроля над ними. У нее получилась «полукорпоративная» экономика. Идея корпоративного государства была теоретически разработана и провозглашена как цель, но реализована лишь в малой степени.

Главной причиной неудачи построения корпоративной системы являлось сохранение в обществе реальных социальных противоречий, которые никуда не исчезли, а лишь видоизменились, трансформировались. Власть упорно не желала замечать эти противоречия, загоняя их внутрь создаваемого корпоративного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977.
2. Филатов С.Г. Крах итальянского фашизма. М.: Наука, 1973.
3. Слободской С.М. Итальянский фашизм и его крах. М.: Госполитиздат, 1946.
4. Силлаба С. Профсоюзная политика итальянского фашизма. М., 1935.
5. Салмин А.М. Неокорпоративизм в странах Запада. Научно-аналитический обзор. Академия Наук СССР. Институт научной информации. М., 1984.
6. Вискер Дж.Б. Итальянский фашизм: опыт интерпретации [Электронный ресурс]. URL: <http://basiliobasilid.livejournal.com/4185.html>.
7. Белоусов Л.С. Корпоративизм и правовое регулирование трудовых конфликтов в Италии 1920–1930-х гг. // От античности до современности. Сборник статей. М., 2012.
8. Антонов М. Историческая миссия Бенито Муссолини. [Электронный ресурс]. URL: http://m-antonov.chat.ru/from_to/index.htm.
9. Устрялов Н.В. Итальянский фашизм. М., 1999.
10. История Италии. Т. 3. М.: Наука, 1971.
11. Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий. Т. 1. М.: Иностранная литература, 1957.
12. Слободской С.М. Социальная сущность фашизма. М.-Л., 1928.
13. Завершение строительства «корпоративного государства» и политика автаркии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.katyn-books.ru/library/istoriya-fashizma-v-zapadnoy-evrope11.html>.
14. Хиггис Р. Кризисы и квазикорпоративная политика в истории США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/276/>.
15. Капланов Р.М. Португалия после Второй мировой войны. 1945–1974. М.: Наука, 1992.
16. Особый случай Португалии. Антониу ди Оливейра Салазар [Электронный ресурс]. URL: http://www.schwarz-front.ru/salazar_1.htm.
17. Хазанов А.М. Салазар: 40 лет диктатуры в Португалии // Новая и новейшая история. 2009. № 3.
18. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоление / под ред. Я.С. Драбкина, М.: Памятники исторической мысли, 1996.
19. Пожарская С. Франсиско Франко и его время. М.: ИД «ОЛМА Медиа Групп», 2007.
20. Волков Л.Б. Франкистская Испания — фашистская диктатура // Советское государство и право. 1965. № 2.
21. Креленко Д.М. Франсиско Франко: путь к власти. Саратов, 2002.
22. Шапкин И.Н. Теоретико-методологические истоки теории корпоративизма // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 3 (23).

23. Саблукова Е. В. Генезис и концептуализация идеи корпоративной культуры в Италии в первой половине XX в. // Вестник Башкирского университета, 14, № 3.
24. Поспеловский Д. Тоталитаризм и вероисповедание. М.: Библиейско-Богословский ин-т св. апостола Андрея, 1991.

REFERENCES

1. Lopuhov B.R. Istoriya's burdocks of the fascist mode in Italy [Istorija fashistskogo rezhima v Italii]. Moscow, 1977.
2. Filatov S.G. Crash of the Italian fascism [Krah ital'janskogo fashizma]. Moscow, Nauka, 1973.
3. Slobodskoj S.M. Italian fascism and its crash [Ital'janskij fashizm i ego krah]. Moscow, Gospolitizdat, 1946.
4. Sillaba S. Trade-union policy of the Italian fascism [Profsojuznaja politika ital'janskogo fashizma]. Moscow, 1935.
5. Salmin A.M. Neocorporativism in the countries of the West. Scientific state-of-the-art review [Neokorporativizm v stranah Zapada. Nauchno-analiticheskij obzor. Akademija Nauk SSSR]. Institut nauchnoj informacii. Moscow, 1984.
6. Visker Dzh.B. Italian fascism: experience of interpretation [Ital'janskij fashizm: opyt interpretacii]. Available at: <http://basiliobasilid.livejournal.com/4185.html>.
7. Belousov L.S. Corporativism and legal regulation of the labor conflicts in Italy 1920 — the 1930 // From antiquity to the present [Korporativizm i pravovoe regulirovanie trudovyh konfliktov v Italii 1920–1930-h gg. // Ot antichnosti do sovremennosti]. Sbornik statej. Moscow, 2012.
8. Antonov M. Historical mission of Benito Mussolini [Istoricheskaja missija Benito Mussolini]. Available at: http://m-antonov.chat.ru/from_to/index.htm.
9. Ustrjalov N.V. Italian fascism [Ital'janskij fashizm]. Moscow, 1999.
10. History of Italy [Istorija Italii]. V. 3. Moscow, Nauka, 1971.
11. Constitution of the bourgeois states of Europe [Konstitucii burzhuznyh gosudarstv Evropy / sost. F.A. Kublickij]. Vol. 1. Moscow, Inostrannaja literatura, 1957.
12. Slobodskoj S.M. Social entity of fascism [Social'naja sushhnost' fashizma]. Moscow, Leningrad, 1928.
13. Construction completion of “the corporate state” and politician of an autarchy [Zavershenie stroitel'stva «korporativnogo gosudarstva» i politika avtarkii]. Available at: <http://www.katyn-books.ru/library/istoriya-fashizma-v-zapadnoy-evrope11.html>.
14. Higgs R. Crises and a quasicorporate policy in the history of the USA [Krizisy i kvazikorporativnaja politika v istorii SSHA]. Available at: <http://www.inliberty.ru/library/study/276/>.
15. Kaplanov R.M. Portugal after World War II. 1945–1974 [Portugalija posle vtoroj mirovoj vojny. 1945–1974]. Moscow, Nauka, 1992.
16. Special case of Portugal. Antoniu di Olivejra Salazar [Osobyj sluchaj Portugalii. Antoniu di Oliveira Salazar]. Available at: http://www.schwarz-front.ru/salazar_1.htm.
17. Hazanov A.M. Salazar: 40 years of dictatorship in Portugal [Salazar: 40 let diktatury v Portugalii]. *Novaja i novejšhaja istorija — Modern and contemporary history*, 2009, no. 3.
18. Totalitarianism in Europe the XX centuries. From history of ideologies, movements, the modes and their overcoming [Totalitarizm v Evrope XX veka. Iz istorii ideologii, dvizenij, rezhimov i ih preodolenie] / ed. Ja.S. Drabkin. Moscow, Pamjatniki istoricheskoy mysli, 1996.
19. Pozharskaja S. Francisco Franco and his time [Fransisko Franko i ego vremja]. Moscow, ID «OLMA Media Grupp», 2007.
20. Volkov L.B. Spain — fascist dictatorship [Frankistskaja Ispanija — fashistskaja diktatura]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo — The Soviet state and the right*, 1965, no. 2.
21. Krelenko D.M. Francisco Franco: way to the power [Fransisko Franko: put' k vlasti]. Saratov, 2002.
22. Shapkin I.N. Teoretiko-metodologičesky sources of the theory of corporativism [Teoretiko-metodologičeskie istoki teorii korporativizma]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta — Humanities and social sciences. Bulletin of Financial university*, 2016, no. 3 (23).
23. Sablukova E.V. Genesis and conceptualization of the idea of corporate culture in Italy in the first half of the 20th century [Genezis i konceptualizacija idei korporativnoj kul'tury v Italii v pervoj polovine XX v.]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta — Bulletin of the Bashkir university*, 14, no. 3.
24. Pospelovskij D. Totalitarianism and religion [Totalitarizm i veroispovedanie]. Moscow, Biblejsko-Bogoslovskij in-t sv. apostola Andreja, 1991.